

«Пусть никогда не от-
кажет обидевшим
Для всех минутных
добрых мир земной»,
(Андрей Демьяков).

Мы — интернационалисты

Борьба за угли, 6/11/35

Дом, где рос солдат

В перерыв улю цре-
сформей оветной комитеты
на шиком сержанта со
брани сканьемы разминны
Хаббубуллин. Все они из-
номинуют, а оспавоны в
сратных духа этой оветной,
ей улелелы ветераны вой-
ны в груди, навалыра
Ордена Лангва, полкатора
храбрости Фатмагуллы
Баллеша. Ник, кроме
трус. Проща мина, азыры
сознания задлечены по-
хвалеными делю, не мучо-
ваныи захватил мать. А
с разлученной фотограф-
ских залово улыбаются ей

красивый, плачущий сме-
дит. Рядом в коробочке
похлещивает орден Крас-
ной Звезды. Им награж-
ден за подвиг при испол-
нении интернационального
хелга радовой Советской
Армии Гумар Хаббубулин.
Посмыслино...

— Вы он нашей, наш
Гумарчик, так говорит
Фатма Гунагуллене. —
Наш младшенький. Мы
все его любим. Сильный
характер у нас, сильный
характер. Вам страшно,

может, а мы ведь идем
его. Знаем все, понима-
ем и все равно идем. На
зотки верить, что нет его,
не будет никогда! Все
думали, а вздрет... Ну,
былает же так! Ведь бы-
ло же в войну — возвра-
щались!

Новоосинки выдержать
этот умоляющий взгляд
спонных материнских глаз!
Новоосинки слышать
полный несрывавший на-
дежды голос! Да мать все
осмыслит. Она и тогда, в

тот страшней день, поме-
ла на нем сразу — лишь
только увидела в окне
выходящих из машины
военных. Заплатала, по-
бежала. Припала рукой
вскрикнула сердце... Вскри-
кнула бездумно — от-
чаянно.

— Не плач! Не говорите
ничего! Не плач!

Плача, перебирает дро-
жащими руками солдат-
ские письма охотра.

— Все, все, все, вы
плачет, что скоро придет,

чтобы идали его... Будь
прокляты вы, кто хочет
войны!

В печальны моменты
вспомина споминат кула-
ки и плечи поджимает
полные слез глаза и пор-
трету брата.

— Вы знаете, как мы
все дружно ждали! Вспо-
ла, счастливая!

И на короткое время
добрые воспоминания о
младшем чуть присутст-
ют близ сегодняшнему...

В этот большой, свет-

лым днем, что уюте рам
разошлись в полна чир-
стой желанной улыбки Баб-
ской, казалось, ни на миг
ноту не смыкала рес-
нице голоса. Петера шу-
стры, крепко ребята,
паша повалился одним из
другим. Четыре симпа-
тичных девчонки и долго
идущий сын. А через
шесть лет — это сын,
Новоосинский, по стальной
облице любимцем, после-
дним — Гумар.

— Да как было не по-
пытать счастья — неизвестно
глядя на разрозненные
фотографии, так говорит
Фатма. — Понимаете!
Ведь неслучайно его взяли
на фронтальной войне: уни-

(Окончание на 4-й стр.)

О Гумаре Хаббубулине.

Дом, где рос солдат

(Окончание.
Начало на 2-й стр.)

дит ното грустных рас-
строкином — не успово-
ится, пока не развеселит.
Заговора, отдалечет, а то
шатару войдет и ласко
слушать выстает. Даже
наш строгий, суровый
отец не выдерживал —
сдавался этому добряку-
несельчану... Но вы не
думайте, он не баловнем
рос, хотя и в ласке. Мы
все знали свои дела. Ма-
ма пророчила. Отец спрос
держал строгий. Он сам
работал так, что стыдно
было бездельничать. Ведь
все шахты города строил.
Потому и сам старался,

чтобы его доброе имя не
опосорится и свое зарабо-
тать. По делу, на поле —
все вместе. Маленькие
старших слушались. И
как-то времени на все
хватало и поробить, и
с товарищами поиграть.
А их у нас было — вся
улица! Но больше всего
— у Гумарчика.
Гумар, бывало, сам
не обидит и другим в
обиду не даст.

Эта слава доброю,
сильного защитника так в
идеа за ним, до самой ар-
мии. И там он встал на за-
щиту народа от казачь-
ков империалиста.

...Фотографии, фото-
графия... Их много. И

каждая — картина из
детства и юности солдата.
Вот он, ладно улыбаю-
щийся, нежно прижимает-
ся к маме, склонив ей на
плечо худруку (капюль-
ника!). А здесь маль-
чишка гордо выругает в
откровенном танкеточном
шлеме. Или на одной —
он серьезней, сосредото-
ченный, в большой армей-
ской шапке со звездоч-
кой и с деревянным иду-
шевым автоматом в ре-
виз. А вот... Это — послед-
нее. Здесь — он солдат
настоящий. И оружие в
руках — не игрушечное.
Глаза серьезные. А
улыбка — это для мамы.

Чтобы не волновалась.

«Не волнуйтесь, роди-
тель. У меня все хорошо.
И ем, и одеваюсь, как ни-
кто. И какая здесь приро-
да красивая!» — напишет
он в одном из писем. И
мать, уехав на дальний
понос, вечный раз бу-
дет переписывать дорожные
строчки и рассылать
среди окружающих ду-
беров те, где он сидел,
где бережно подвизывал
равенные веточки. Сын
любил природу. Любил
все живое. Любил саму
жизнь. И отдал ее за то,
чтобы не умерла она
на нашей земле.

— Да, сестра, — по стар-
инному просто обращается

ко мне отец Гумара, — ка
чал в память на той
германской войне. Не ду-
мал сына пережить. И
вот...

Тяжело склоняет он
свою голову перед пор-
ретом сына. И, сдержав
трудные мушкетские слезы,
замышляется, выходит
во двор.

— Вся жизнь в труде.
И горе трудом глушит. —
говорит мать, пронося
мужа трепетными шаг-
дом. — Ох, скорей бы дети
приехали да науки бы
привыкли! Иси радость,
вся надежда теперь в
них...

Беда непрощенная уве-
сла безоблачную ра-
дость из этого большого
дома. Здесь, в слабой
пахтерной семье, род
зрелый мальчишка,
ставший солдатом-геро-

ем. Его отец пропал от
Наревского фронта до
Варшавы и возобначал
войну. Его мать, бывшая
младостра гостиница, во-
питала сына все с
тихотой. Не для нее про-
клятой родила и вырасти-
ла она сына. Он смаял,
ушел: «Туда не придется
приспеть за меня, ма-
ма...»

...Старик-сосед слал в
свой голубой шалур, ука-
зывал мне путь к дому
Хаббубуллиных. Здесь, в
этом тихом олене тихого
дома, навечно поселилась
и жена, лодная сирот-
ка, но благодарная ма-
маша о земляне. Память о
тех, кто идет на ратный
пидет в мирное время,
потому что «мир трудо-
лив, вот мир, что мы ста-
сты должны».

Н. КАВАНОВА,